

О НАСЛЕДОВАНИИ ИДЕЙ

Исторические труды Карамзина всегда воспринималось неоднозначно, мнения о них сильно расходились еще при его жизни. В правых кругах деятельность Карамзина оценивалась как потрясение не только литературных, но и политических основ; для революционеров и либералов Карамзин, напротив, являлся одним из столпов и символов самодержавия, на которое они обрушивали весь свой праведный пыл.

Одни, как, например, А. Пушкин и П. Вяземский, видели в нем гражданина, заботившегося прежде всего о благе отечества, другие, как попечитель московского учебного округа Голенищев-Кутузов, славший доносы министру просвещения Разумовскому и царю на историографа-«французского шпиона», считали вслед за попечителем, что историограф разливает в своих сочинениях «вольнодумческий и якобинский яд» и явно проповедует безбожие и безначалие.

Позже, уже в 40-е годы XIX века, В. Белинский, проанализировав литературное наследие Карамзина, счел, что его творения «могут теперь составлять только более или менее любопытный предмет изучения в истории русского языка, русской литературы, русской общественности, но уже нисколько не имеют для настоящего времени интереса». Но «гражданский подвиг Карамзина» в деле воспитания российских граждан критик отметил: создание русской публики, читавшей именно русские, а не французские книги, умение передать свои мысли с целью просвещения русского общества, вклад в преобразование русского языка. И очень высоко оценил роль «Истории государства Российского» в формировании патриотизма русских граждан: «без Карамзина русские не знали бы истории своего отечества».

Огромное влияние Карамзина на сердца и умы современников отметил и русский филолог Я. Грот: «Предметы, особенно обращавшие на себя внимание Карамзина, были: воспитание юношества и вообще просвещение русского народа, возвышение национальной гордости, пробуждение самостоятельности в общественной жизни». «Он не только усиливал в них любовь к чтению, не только распространял литературное и историческое образование; но также возбуждал в массе читателей религиозное и нравственное чувство, утверждал в них благородный и честный образ мыслей; воспламенял патриотизм»

Официальная советская историография приняла концепцию А. Пыпина: Карамзин — консерватор, бесчеловечно угнетавший крестьян.

Вся разногласица мнений широко представлена в книге «Н. М. Карамзин: pro et contra», вышедшей в 2006 году. Здесь можно найти оценки русских дореволюцион-

Елена Павловна Зиновьева родилась в Ленинграде. Окончила Институт культуры им. Н. К. Крупской. С 2003 года публикуется в журнале «Нева», автор книги «История России. Взгляд из XXI века» (2011), литературно-критических статей в московских периодических изданиях. Живет в Санкт-Петербурге.

ных критиков и историков литературы, оценки высокие и уничижающие, восторженные и пренебрежительные, благоговейные и взвешенные. Представлен и весь XX век: от издевок в лекциях историков-марксистов до уважительных, полных преклонения перед мыслителем исследований выдающихся ученых, филологов и историков. Среди помещенных в книгу работ немало таких, которые не переиздавались около двухсот лет, с момента своего выхода в свет.

Сегодня о значении и смыслах исторических трудов великого деятеля русской истории и литературы спорят ученые, историки, философы, публицисты, блогеры. И по сей день Карамзин выступает объектом новых, неожиданных прочтений и интерпретаций.

Можно выделить несколько болевых точек.

Одна из них — достоверность изображаемого историком. Вот цитата с одного из интернетовских сайтов: «Вспомним скрепя сердце о мнимом столкновении Грозного с митрополитом Филиппом, которое сочинитель описывает следующим образом: В разгар казни входит царь в Успенский собор. Его встречает митрополит, полный решимости по долгу сана своего печаловаться, заступаться за обреченных на казнь. „Молчи, — прерывает его Грозный, едва сдерживая гнев, — одно тебе говорю, молчи, отец святой, молчи и благослови нас“. — „Наше молчание, — отвечивал владыка, — грех на душу твою налагает и смерть наносит“. — „Ближние мои, — прерывает Филиппа Грозный, — стали на меня, ищут мне зла. Какое тебе дело до наших царских предначертаний?“ Удивительная детализация разговора! Не правда ли? Где автор мог почерпнуть такие подробности? Что-то я не припомню, чтобы Царь и святитель оставили по себе мемуары. Сколько картинности, сколько сильных эмоций в этом диалоге! Чем не эпизод для остросюжетного фильма? Особенно умиляет выражение „едва сдерживая гнев“. Складывается впечатление, что сочинитель не только обладал чудесной машиной времени, сделавшей его свидетелем означенной встречи, но и был выдающимся телепатическим экстрасенсом, способным определять степень гнева исторического персонажа...»

Но сам Карамзин не скрывал наличия вымысла, «художественной» составляющей своего труда. Писатель не собирался стать историком-исследователем. Он хотел приложить свой литературный талант к готовому материалу: «выбрать, одушевить, раскрасить», чтобы сделать из русской истории «нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и иностранцев». В предисловии к «Истории...» он пишет: «И вымыслы нравятся. Но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина». И в то же время при работе над «Историей...» писатель исповедовал принцип следования правде истории, как он ее понимает, пусть она иногда и горька. «История не роман, а мир не сад, где все должно быть приятно. Она изображает действительный мир».

«История государства Российского» стала отправным пунктом для многих историков XIX века и в отношении теоретических представлений, и как богатейшая источниковедческая база. Если бы в томах отсутствовали примечания, дающие достоверное представление об эпизодах и корректирующие авторский текст, то читатель был бы вправе считать автора сочинителем небылиц. Но Карамзин, давая читателю в «Примечаниях» увидеть подлинное отражение событий в источниках, в самом тексте «Истории» превращает неудобочитаемый текст в захватывающее воображение чтение. С самого начала каждый том делится на две половины: в первой — живой рассказ, «одушевленный и раскрашенный», во второй — сотни примечаний, ссылок на летописи, латинские, шведские, немецкие источники. Небогатые критическими указаниями, «Примечания» содержали множество выписок из рукописей, большей частью впервые опубликованных Карамзиным.

Современных критиков Карамзина особенно волнуют «клеветнические выпады» историка в адрес Иоанна Васильевича, царя Грозного. Да, при изложении событий царствования Ивана IV Карамзин отдавал предпочтение сочинениям Курбского. В том числе заимствовал у него версию о делении царствования Ивана IV: мудрое правление под влиянием Сильвестра и Адашева до 1560 года как время наивысших успехов во внутренней и внешней политике страны, образцовое сотрудничество царя с боярами и внезапное перерождение царя в кровожадного тирана и душегуба. Эту концепцию восприняли дворянские и клерикальные историки XIX века. Но сам Карамзин, обнаружив документы, противоречащие концепции Курбского, изображая дела далеких лет, крайне осторожно подходил к данным источника и никаких обобщений, основанных лишь на нем, не делал. Оценка деятельности Ивана IV у Карамзина двойственная: он все же считал его инициатором важнейших государственных начинаний того времени. В наше время Ивана Грозного можно считать реабилитированным: с цифрами в руках доказано, что на фоне своих собратьев — западноевропейских правителей — он был самым гуманным. По разным подсчетам, жертвами периода опричнины, «пожара лютой», пылавшего в Московском государстве семь лет, стали от пяти до семи тысяч человек, за годы правления современницы Ивана Грозного, Елизаветы, в Англии было казнено 89 тысяч человек, больше, чем всей католической инквизицией за столетия. Во время знаменитой Варфоломеевской ночи в Париже было убито около двух тысяч гугенотов, дворян и офицеров, за несколько дней по всей Франции жертвами резни пали 30 тысяч человек. Карамзин эти цифры не сопоставлял.

Современные ниспровергатели авторитетов вослед Голенищеву-Кутузову увидели, что «в карамзинском труде, как в прогоревшем костре, под монархическим пеплом таился огонь свобод республиканских». Не случайно же «зараженные демоническим желанием крови и мучительства» будущие декабристы зачитывались девятым, посвященным Грозному, томом «Истории...». В сочинении «распоясавшегося якобинца» декабристы увидели небывалый в России феномен: один из великих царей открыто показан тираном, каких мало представляет история. И поспешили использовать это сочинение в своих агитационных целях.

Естественно, в такой интерпретации Карамзин предстает тайным участником мировой закулисы, затаившимся масоном, направившим свои силы на подрыв самодержавия путем компрометации правителей России, скрытым русофобом.

Неплохо бы послушать и суждения самого Карамзина и его современников.

К примеру, повесть «Наталья, боярская дочь» (1792) «русифоб» Карамзин начал вопросом: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу?» В письме к А. И. Тургеневу заявлял: «Для нас, русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует, все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России, или нет гражданина, нет человека, есть только двуножное животное».

П. Вяземский назвал Карамзина вторым Кутузовым, «спасшим Россию от забвения». «Воскрешением русского народа» назовет «Историю...» В. Жуковский. Сохранились воспоминания, что, захлопнув восьмой, последний том «Истории государства Российского», Федор Толстой по прозвищу Американец воскликнул: «Оказывается, у меня есть Отечество!» Н. Страхов, произнося речь в память о Карамзине, пламенно возглашал: «Русский, русский до мозга костей! Какова сила, какво притяжение русской жизни! Какая способность взять у Запада много, очень много — и не отдать ему ничего заветного!»

Карамзин не стремился, чтобы его книга стала источником вредных мыслей. Он хотел говорить правду. Но правда, им написанная, оказалась «вредной» для самодержавия.

Декабрьский мятеж 1825 года стал для историка трагедией. В мятеже участвовало много хороших знакомых, друзей: братья Муравьевы, Николай Тургенев. Бестужев, Кюхельбекер (он переводил «Историю...» на немецкий). Карамзин наблюдал за происходящим на Сенатской площади («Видел ужасные лица, слышал ужасные слова, камней пять-шесть упало к моим ногам»); не один час провел с императрицей и Аракчеевым в Зимнем дворце.

Спустя несколько дней о декабристах он скажет так: «Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века».

После восстания Карамзин заболевает — простудился 14 декабря, но еще сильнее сказалось потрясение случившимся. Писать Карамзин больше не мог. Последнее, что успел сделать, — вместе с Жуковским уговорил царя вернуть из ссылки Пушкина.

22 мая 1826 года Николай Михайлович Карамзин умер.

* * *

А что касается масонства Карамзина, входившего в юности в кружок Новикова, просветителя и масона, издателя журналов, писателя, «типографщика», то большинство серьезных исследователей полагают, что к масонству Карамзин охладел еще в 1788 году.

Адресованную Александру I «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» он составлял уже зрелым человеком, пережившим серьезный идейный кризис. Его взгляды сформировались под влиянием событий, свидетелем которых он был, и в результате серьезного изучения опыта российской и мировой истории.

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря 1766 года в Симбирской губернии в имении отца, помещика средней руки, там же прошло и его детство. Воспитание его продолжилось в частном пансионе Фовеля в Симбирске, затем, в 1775-м мальчик был привезен в Москву и отдан в пансион московского профессора Шадена, где выучил французский и немецкий языки, постигал английский, латынь и греческий. Наилучшей формой государственного устройства его наставник почитал монархию с сильным дворянством, добродетельным, жертвенным, образованным, ставящим во главу угла общественную пользу. В семье видел хранительницу нравственности и источник образования, в котором ведущее место отводилось религии, началу мудрости. Естественно, подобные взгляды влияли на юного ученика. Посещал Карамзин и лекции в Московском университете, где можно было тогда постичь «если не науки, то русскую грамоту».

В 1782 году юноша переехал в Петербург — отбывать военную службу в Преображенском полку, куда его записали еще малолетним. Тогда же он начинает свою литературную деятельность: выходит его первое печатное произведение — перевод с немецкого языка идиллии С. Геснера «Деревянная нога».

По смерти отца в 1784 году Карамзин подал в отставку, вернулся в Симбирск, увлекся светскими успехами в провинциальном обществе и, следуя моде и своим духовным потребностям, вступил в масонскую ложу «Золотого венца».

В конце того же года он возвращается в Москву и через посредство земляка И. П. Тургенева сближается с Н. Новиковым и московскими масонами из его окружения. Масонство притягивало своей просветительской и благотворительной дея-

тельностью, но отталкивало мистической стороной: умственному складу Карамзина оказались чужды и мистицизм, и метафизика. Но идеями французского «Просвещения», «энциклопедистов», Монтескье, Вольтера юный Карамзин увлечен, его привлекают исторические занятия, литературная деятельность. Он участвует в различных периодических изданиях, публикует собственные сочинения и переводы, работает как редактор.

«Роман» с масонами продолжался четыре года, с 1785-го по 1788-й. В 1789 году молодой литератор отправляется в заграничное путешествие, одним из побудительных мотивов принято считать разрыв Карамзина с масонами. Уважая людей, искренне делавших добро людям и занимавшихся нравственным усовершенствованием, он решительно не принимал «нелепой обрядности» масонской ложи. Карамзин предупредил московских друзей, что «принимать далее участие в их собраниях» не будет. Ответ их, вспоминал позже Карамзин, «был благосклонный: сожалели, но не удерживали, а на прощание дали мне обед».

Но существует и мнение, что разрыв был мнимый, так как русский путешественник посетил за границей видных европейских масонов: Гердера, Виланда, Лафатера, Гёте, Сен-Мартена. В Лондоне с рекомендательными письмами был принят влиятельным масоном, русским послом С. Р. Воронцовым. И эти встречи любознательного юнца с кумирами своей юности — единственное, что можно инкриминировать «злостному масону».

Заграничное путешествие длилось восемнадцать месяцев, с мая 1789-го по сентябрь 1790-го. Карамзин побывал в Германии, Швейцарии, в охваченной революцией Франции, в Англии. Свои впечатления он изложил в знаменитых «Письмах русского путешественника»: в течение 1791—1792 годов они публиковались из номера в номер в «Московском журнале», который издавал Карамзин, полностью «Письма...» увидели свет в 1801 году.

* * *

Естественно, при публикации «Писем...» работала самоцензура. Резко отрицательная оценка революции в пятой части «Писем русского путешественника» — это поздний взгляд автора на революцию, а во времена, когда молодой человек находился во Франции, происходящее он воспринимал по-другому. Русский путешественник неоднократно посещал Национальное собрание, слушал речи Робеспьера, завел знакомства со многими политическими знаменитостями, ходил по улицам востановленного Парижа, наблюдал за всем происходящим с настороженным выжидающим, с надеждой на воплощение на практике идеалов Великой французской революции.

Окончательно его отношение к Великой революции сформировалось летом 1793 года, когда из Франции пришли известия о контрреволюции в Вандее, об установлении якобинской диктатуры во главе с Робеспьером, Маратом и Дантоном. Карамзин в это время жил в деревне, в орловском имении, куда, прекратив издавать свой «Московский журнал», перебрался, опасаясь после ареста Н. Новикова подозрений со стороны властей в связях с масонами. Оттуда 17 августа 1793 писал своему другу И. Дмитриеву: «Поверишь ли, что ужасные происшествия Европы волнуют мою душу?.. Мысль о разрушаемых городах и гибели людей везде теснит мое сердце». Неприятие и шок, вызванный реализацией идей «Просвещения» на практике, в ходе так называемой «Великой французской революции» еще резче Карамзин выразил в статье «Мелодор и Филалет» (1795): «Век просвещения! Я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя — среди убийств и разрушения не узнаю тебя!»

Позднее Н. М. Карамзин напишет: «...ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства», ужасы Французской революции, неутешительные итоги эпохи Просвещения, положили начало критическому отношению писателя к «передовым» идеям. Осуществление теории на практике для него оказалось неприемлемо. Воздействие реальных событий оказалось эффективнее всех масонских утопий и построений.

Карамзин пережил глубокий идейный кризис. И этот кризис явился рубежом в его творческой жизни. Единственным приемлемым и правильным он стал считать путь постепенного эволюционного развития, без революционных взрывов и губительных потрясений и в рамках тех общественных отношений, того государственного устройства, которое свойственно данному народу.

Окончательное оформление его социально-политической программы, объективным содержанием которой являлось сохранение самодержавно-крепостнической системы, произошло в первое десятилетие XIX века, то есть ко времени создания «Записки о древней и новой России».

Свою роль в формировании консервативных взглядов писателя сыграли и занятия русской историей, интерес к которой обозначился у него давно. Еще в 1790 году в «Письмах русского путешественника» он изложил свое представление о русской истории: «Говорят, что наша история сама по себе менее занимательна: не думаю, нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и пр. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев... У нас был свой Карл Великий: Владимир; свой Людовик XI: царь Иоанн; свой Кромвель: Годунов, и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий».

28 сентября 1803 года Карамзин обращается в Министерство народного просвещения к попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьеву с просьбой об официальном назначении его историографом, именным указом в том же году просьба была удовлетворена, и, по словам П. Вяземского, с этого времени Карамзин «постригся в историки». С 1803-го по 1811 год было создано пять томов «Истории государства Российского».

Историк А. Минаков пишет, что погружение в прошлое Отечества убедило Карамзина, что самодержавие представляет собой «умную политическую систему», прошедшую длительную эволюцию и сыгравшую уникальную роль в истории России. В своей «Записке...» Карамзин доказывает, что эта система, «великое творение князей московских», начиная с Ивана Калиты, слабо зависела от личных свойств, ума и воли отдельных правителей, поскольку не была продуктом личной власти, а довольно сложной конструкцией, опирающейся на определенные традиции и государственные и общественные институты. И в основе ее лежал синтез автохтонной политической традиции «единовластия», восходящей к Киевской Руси, некоторых традиций татаро-монгольской ханской власти, сознательное подражание политическим идеалам Византийской империи. Исключительную роль в данной системе, по Карамзину, играла Православная церковь — «совесть» самодержавной системы, задающая нравственные координаты для монарха и народа в стабильные времена, и в особенности, когда происходили их «случайные отклонения от добродетели».

При таких взглядах историка понятно, что критика властителей России — в «Истории...» ли, в «Записке...» — не ставила целью «опорочить» кого-либо, а, скорее, имела «воспитательные» задачи. В «Записке...» историк, просветитель, патриот, заботящийся о судьбе Отечества, предостерегает государя от пути несправедливого, кровопролитного, и уповает на разум и волю мудрого правителя, во имя единой и процветающей России.

Надо ли в истории искать параллели с днем сегодняшним? Приемлемы ли теоретические построения двухсотлетней давности в наши дни? Или они значимы только для той эпохи, когда они создавались?

Не получится ли так, как предупреждал Ю. Лотман: «...либеральное мышление в исторической науке строится по следующей схеме: то или иное событие отрывается от предшествующих и последующих звеньев исторической цепи и как бы переносится в современность, оценивается с политической и моральной точек зрения эпохи, которой принадлежат историк и его читатели. Создается иллюзия актуальности, но при этом теряется подлинное понимание прошлого. Деятели ушедших эпох выступают перед историком как ученики, отвечающие на заданные вопросы. Если их ответы совпадают с мнениями самого историка, они получают поощрительную оценку, и наоборот. Применительно к интересующему нас времени вопрос ставится так: общественно-политические реформы есть благо и прогресс. Те, кто поддерживает их, — прогрессивны, те, кто оспаривает, — сторонники реакции. Время создания „О древней и новой России“ — период проектов Сперанского. Отсюда сама собой напрашивается схема: Сперанский и Карамзин как воплощение прогресса и реакции. Как ни удобна эта картина, но историческая реальность сложнее».

А реальность 1811 года, времени создания «Записки...», была такова. Бурлящая Европа начала XIX века, многочисленные союзы и коалиции, переговоры и договоры, противостояния и попытки столкнуться, перемирия и разрывы; беспредельное расширение Французской империи — «триумфальное шествие» Наполеона, первого самого известного и удачливого «евроинтегратора», по определению публициста Н. Старикова. Карамзин сознавал непрочность Тильзитских и Эрфуртских соглашений между Россией и Францией, де-факто нарушавшихся французами, считал, что внешняя политика правительства России порочна, и понимал, что нападение Наполеона на Россию неизбежно. Он был уверен, что перед лицом сильного и вероломного врага непродуманные, идущие вразрез с многовековыми традициями социальные и государственные эксперименты явно несвоевременны, ибо расшатывают основы государства, подрывают позиции дворянства, важнейшей опоры существующего строя. Резкость критики в адрес Александра I, явленная в «Записке...», была вызвана осознанием обозначившихся угроз.

Стоит ли в истории искать параллели с днем сегодняшним?

Когда-то Наполеон «передвинул Европу с запада на восток», объединив в своей армии солдат разных наций, что в конце концов остались лежать на равнинах России. Сегодня «Европа» вновь двинулась с запада на восток. Вот уже четверть века новая Россия, отказавшись уже не только от многовекового опыта самодержавной России, но и от опыта России советской, идет по неизведанному пути либеральных реформ, примеряя на себе «чужие одежды». И не стихают споры о правильности избранной дороги, о потерях и достижениях, о промежуточных результатах, о конечной цели.

И может быть, историк, посвятивший десятилетия изучению прошлого своего Отечества, сумел разглядеть в глубине веков, сумел увидеть в своем настоящем что-то очень важное для нашей страны?

В предисловии к «Истории государства Российского» Карамзин писал: «Читатель заметит, что я описываю события не врознь, по годам и дням, но совокупляю их для удобнейшего восприятия. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место».

Современный исследователь биографии и творческого наследия Карамзина В. Муравьев дает такую емкую и сущностную оценку системного его подхода к историческому материалу: «Карамзин рассматривает процесс функционирования Русского государства на протяжении тысячелетия, выявляет закономерности этого процесса, его нормальное течение, нарушения и возвращение в норму. Погружение в такую глубину времен дает возможность увидеть именно те тенденции, которые проявляются в течение веков. <...> Когда Карамзин анализирует политическое и гражданское состояние России начала XIX века, он рассматривает его как конкретное проявление многовековых тенденций. Кстати сказать, конкретные проявления общих тенденций при аналогичных нарушениях в разные века оказывались весьма схожи».

Так какой же «код России» удалось вычислить одному из первых создателей национальной концепции исторического пути своего Отечества?

* * *

Вот уже два столетия идет спор о том, что есть Россия. Часть ли это Европы, неудачная ее подражательница или все-таки уникальная самобытная цивилизация? Вопрос этот, волновавший русских мыслителей, философов и писателей весь XIX век, в веке XX, во времена советские, плавно перетек в учебные пособия и хрестоматии по истории вообще и истории литературы в частности и вновь остро встал на новом историческом витке, в конце 80-х годов прошлого столетия. Споры не утихают и ныне.

Для Карамзина сомнений в особости российского пути не существовало. Не отделяя Россию от европейской цивилизации, он подчеркивал существенное отличие России от Европы, заложенное уже в их государственных основах. «Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие... в России оно утвердилось с общего согласия граждан». Европейские страны образовывались путем завоеваний, Российское же государство, с точки зрения историка, началось не вследствие завоевания, а вследствие «беспримерного в летописях случая» — призвания варягов новгородцами: «Хотим князя, да владеет и правит нами по закону». Мнения историков о том, кем были эти варяги, норманнами или представителями славянских племен, их «военизированной» дружиной, кардинально расходились и расходятся. В любом случае, по мысли Карамзина, монархическое государство на территории будущей России возникло в результате добровольного и всенародного «волеизъявления». В работе политологов А. Ширинянца и Д. Ермашова Н. Карамзин назван одним из первых в отечественной политической мысли авторов легитимной модели российской государственности.

Еще в XIX веке в «Предисловии» к «Истории...» Карамзин особо подчеркивал общераспространенный ныне тезис: мирное освоение россиянами новых земель шло «без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке». На основании этого он делал и вывод о том, что Россию, имеющую в своем историческом начале добровольный союз, ждет свой, особенный, мирный путь развития, без революций, подобных Нидерландской, Английской и Французской. Он считал, что каждый народ в своем историческом бытии реализует присущий только ему тип культуры, в основе которой лежит создание национальной государственности, а значит, «пароксизм либеральности», европейской, универсальной — не для России, и не находил в социальном строе России каких бы то ни было зачатков будущих общественных или политических конфликтов.

Карамзин ошибся: Россию ждали великие смуты и потрясения. Возможно, как раз потому, что были нарушены некие важнейшие, основополагающие, специфически российские принципы государственного функционирования?

* * *

По мнению историографа, порядок в государстве рушится и перемены сотрясают его изнутри, производя раскол между едиными частями тела, если поколеблен важнейший, утверждённый веками принцип — особая, духовная связь между государем и подданными. Ибо, провозглашал он в «Истории государства Российского»: «Нет правительства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной». Погружаясь в историю, он видел, что мятежи и смута терзали Россию, когда народ усомнился в легитимности Бориса Годунова, когда презрел отеческую православную веру Лжедмитрий, что заговоры «суть бедствия, колеблющие основу государства и служащие опасным примером для будущности» вызваны общей ненавистью или общим неуважением к властителю. О смуте начала XVII века в своей «Записке...» он писал: «Самовольные управы народа бывают для Гражданских Обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений Государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного изступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей». О более поздних временах: «Бирон и Павел были жертвою ненависти, правительница Анна и Петр III — жертвою неуважения. Миних, Лесток и другие не дерзнули бы на дело, противное совести, чести и всем Уставам государственным, если бы сверженные ими властители пользовались уважением и любовью россиян».

Карамзин был последовательным и решительным апологетом самодержавия, уверенным, что самодержавие — единственно возможная для России форма политического устройства и власти, ядро русской политической культуры. В письме к П. Вяземскому он утверждал: «Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорее может упасть, нежели еще более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима».

Всей своей «Историей...» Карамзин стремился доказать российскому обществу, что у нас есть собственное прошлое и собственная традиция: российская государственность, имеющая своей основой принцип самодержавия, в силу которого «Россия развивалась, окрепла и сосредоточилась».

Вслед за Монтескье он считал, что огромные по территории государства должны управляться монархом и обширная страна Россия, «мира половина», наиболее приспособлена именно для единовластия. В российском самодержавии он видел исторически подвижную форму государственности, способную эволюционировать в изменяющихся условиях. И верил, что единственная сила, способная удержать российское общество от впадения в крайности революционных разрушений и массовых беззаконий, есть монархия, гарант общественного спокойствия в обществе. Именно такая форма правления, по мнению Н. М. Карамзина, необходима, чтобы охранять духовно-нравственное здоровье народа, способствовать благу людей и обеспечивать «величие государства Российского».

Конечно, рассуждать сегодня о восстановлении монархии нонсенс: эта страница нашей истории навсегда перевернута сто лет назад. И, по словам писателя и историка литературы Алексея Варламова, «даже если предположить, что власть у нас будет передаваться по наследству и каждый уходящий президент будет назначать преемника,

к монархическому способу правления такое „престолонаследие“ отношения иметь не будет. Это в лучшем случае будет говорить об умении правящей элиты манипулировать общественным сознанием, но никак не о нашей подсознательной тяге к династической преемственности. И дело здесь не столько во власти, которая может быть лучше или хуже, сколько в народе, давно уже утерявшем мистическую связь с царствующим домом». Карамзинское религиозно-династическое понимание русской истории едва ли применимо к нынешней России, уверен писатель.

Однако и в нашем настоящем, несмотря на все кульбиты истории XX века, неистребим тезис о том, что в российском «доме» всегда «хозяином» было в собирательном плане государство, а в персональном — «государь», «батюшка-царь», главный судия и защитник от несправедливых чиновников. Поразительно, будто и не утратило свое значение сказанное двести лет назад Карамзиным в «Записке...»: «В России Государь есть живой Закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не бояться Государя — не бояться и закона».

Точно так же поразительной выглядит приверженность современного россиянина, человека XXI века, к сильному государству. Ответ на эти вопросы можно найти в истории. Не с Карамзина началась апологетика сильного государства и ответственного монарха. В исследовании современного российского философа А. Замалева, посвященном истории философской мысли в России, от раннего средневековья и до настоящего времени, важнейшей темой является отношение мыслителей разных эпох к государственному строительству, к форме власти. Крупнейшие мыслители и публицисты от начала любомудрия на Руси погружались в мирские, государственные, проблемы и практически все являлись сторонниками единодержавства как главного залога единства и силы государства, его территориальной целостности. Ученый замечает, что единство государства отстаивали даже волхвы, возглавлявшие народные восстания в период раздробленности. Древние и крепкие корни глубинного отношения к централизованной власти в России, к государству дают свои всходы и сегодня. А. Замалеев поясняет это так: «Надо ясно отдавать себе отчет в том, что интеллектуальная жизнь нации хотя и может прерываться время от времени, принимать иное, нежели прежде направление, но главное остается неизменным — это единство бытия и мышления, единство, в котором основу составляет преемственность, наследование идей».

В свое время наши предки пожертвовали своими вольностями во имя сильного государства и самодержавия. Пожертвовали не сразу. Об этих страницах русской истории Карамзин в «Записке...» повествует так: «Славяне Российские, признав Князей Варяжских своими Государями, хотя отказались от Правления общенародного, но удерживали многие его обыкновения. Во всех древних городах наших бывало так называемое Вече, или Совет народный, при случаях важных; во всех городах избирались Тысяцкие или Полководцы не Князем, а народом. Сии республиканские учреждения не мешали Олегу, Владимиру, Ярославу самодержавно повелевать Россиею: слава дел, великодушие и многочисленность дружин воинских, им преданных, обуздывали народную буйность. Когда же Государство разделилось на многие области независимые, тогда граждане, не уважая Князей слабых, захотели пользоваться своим древним правом Веча и Верховного законодательства; иногда судили Князей и торжественно изгоняли в Новгороде и других местах. Сей дух вольности господствовал в России до нашествия Батыева, и в самых ее бедствиях не мог вдруг исчезнуть, но ослабел приметно. Таким образом, История наша представляет новое доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо Государственное могущество; 2) рабство Политическое не совместно с гражданскою вольностию. Князья пресмыкались в Орде, но, возвра-

щаяся оттуда с милостивым ярлыком Ханским, повелевали смелее, нежели в дни нашей Государственной независимости. Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских. Сим расположением умов, сим обстоятельствами воспользовались Князья Московские и, мало-помалу истребив все остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие. Умолк Вечевой колокол во всех городах России. Димитрий Донской отнял власть у народа избирать Тысяцких, и, вопреки своему редкому человеколюбию, первый уставил торжественную смертную казнь для Государственных преступников, чтобы вселить ужас в дерзких мятежников».

Самодержавие было принято русским народом в условиях тяжелейшей борьбы с татаро-монгольским игом, «рабство политическое» не казалось чрезмерной платой за национальную безопасность и единство: оно не только ликвидировало иноземную власть, но и внутренние междоусобицы. Как один из итогов этого «согласия» (продолжим цитату): «Наконец, что началось при Иоанне I или Калите, то совершилось при Иоанне III: столица Ханская на берегу Ахтубы, где столько лет потомки Рюриковы преклоняли колена, исчезла навеки, сокрушенная местию Россиян. Новгород, Псков, Рязань, Тверь присоединились к Москве вместе с некоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древние Югозападные Княжения потомков Владимировых еще оставались в руках Польши, за то Россия, новая, возрожденная, во времена Иоанна IV приобрела три царства: Казанское, Астраханское и неизмеримое Сибирское, дотоле неизвестное Европе».

* * *

По мнению Ю. Лотмана, для Карамзина проблема политической свободы никогда не сливалась с проблемой личной независимости. Политическую свободу Карамзин определял как отношение человека к государству и в определенные моменты склонен был признавать приоритет государства как выразителя общих интересов. Но независимость как право человека думать и говорить то, что думает, одеваться и вести тот образ жизни, который ему свойствен, иметь *свою* систему ценностей, не отчитываться в своих эстетических или моральных предпочтениях ни перед кем, кроме своего Разума и Бога, быть самим собой была для него неотъемлемой от самого понятия *человек*. И этой личной независимостью русский мыслитель ни ради чего не поступался. «Он мог огорчить либерального Александра I своими консервативными суждениями, а Аракчеева — нежеланием нанести ему визит, но не мог сказать не то, что считал истиной».

Карамзин был убежден, что подданный в самодержавном государстве должен быть не бесправным рабом, а мужественным гражданином, который обязан безропотно повиноваться монарху, но в то же время иметь возможность свободно и искренне выражать свои мнения и взгляды на государственные дела. С его точки зрения, на единоличную власть самодержца налагались определенные ограничения: проверенные временем или продуманно им же принятые новые законы, обязательные не только для подданных, но и для самого самодержца; законы Божьи; совесть; народные обычаи и традиции.

Как отмечают А. Ширинянц и Д. Ермашов, степень вмешательства государственной власти в сферу народных привычек, обрядов, верований, иными словами, в сферу частной жизни и личного достоинства отдельного человека была для русского мыслителя той чертой, за которой заканчивается самодержавие и начинается деспотизм. А предписывать народным обычаям насильственные уставы не

что иное для монарха самодержавного, как беззаконие и тиранство. Далее они пишут: «Отсутствие или разрушение ценностей народной жизни или, говоря современным языком, национальных ценностей, стоящих выше авторитета власти, автоматически порождает общество тоталитарного типа. <...> Эту закономерность хорошо понимал Карамзин, когда рассуждал о „духе народном“ и приводил конкретные примеры из русской истории, свидетельствовавшие о том, что забвение, разрушение „народности“ всегда вело к вырождению самодержавия в тоталитарный режим или, словами Карамзина, в деспотию, тиранство».

Возвращаясь к истокам русского самодержавия, вспомним требование новгородцев: «Хотим князя, да владеет и правит нами по закону».

Чтобы монархическая власть не превращалась в деспотическую, Карамзин выдвигал условием просвещение граждан и высокоразвитое, хотя бы в политически активном меньшинстве, чувство чести...

Далеко не всякий монарх, с точки Н. М. Карамзина, соответствовал возложенной на него высокой миссии, среди приоритетов которой были забота о благе России и ее подданных, сохранение сильного политически независимого государства, соблюдение обычаев и традиций, ценностей и идеалов русского народа, моральная свобода личности.

Далеко не всякий монарх мог заслужить высокую оценку своей деятельности со стороны подданных. Вместе с тем, считая любое отклонение от норм самодержавия делом случая, Карамзин сохранял веру в устойчивость русской модели самодержавия: даже при резком ослаблении или даже полном отсутствии верховной государственной и церковной власти (например, во время Смуты) мощная и эффективная традиция приводила в течение короткого исторического срока к восстановлению самодержавия.

Для Карамзина монархия имела абсолютное значение, и здесь не играло никакой роли лицо отдельного тирана-самодержца: оно составляло исключение, а не правило, обусловленное личными свойствами самого монарха.

* * *

По Карамзину, следование традициям, сформировавшимся в ходе многовековой истории, является неперменным условием успешного государственного устройства. Понятия, нравы и обыкновения народа складываются веками, поэтому «для старого народа не надобно новых законов». И идя по пути просвещения, власть не должна навязывать народу чуждые ему законы и учреждения. «...Законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств», — утверждал он в своей «Записке...» Александру.

В контексте времени создания «Записки...» — предполагаемых либеральных реформ Сперанского — эти слова звучали предупреждением. «Перемены сделанные не ручаются за пользу будущих: ожидают их более со страхом, нежели с надеждой, ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой. Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, то оно в наше время не будет ли еще страшнее? Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин неудовольствия Россиян на нынешнее Правительство есть излишняя любовь его к Государственным преобразова-

ниям, которые потрясают основу Империи, и коих благотворность остается доселе сомнительною».

В подготовленном при участии Сперанского проекте Уложения гражданских законов Карамзин усмотрел прежде всего перевод Гражданского кодекса Наполеона. Он упрекал авторов проекта в том, что они «шьют нам кафтан по чужой мерке». Карамзин утверждал, что к России вообще неприменимо понятие прав гражданских: «У нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч. — все они имеют свои особенные права — общего нет, кроме названия русских».

В России, полагал Карамзин, нужно либо подготовить кодекс, основанный на обобщении и согласовании указов и постановлений, изданных со времен царя Алексея Михайловича, либо издать «полную сводную книгу российских законов или указов по всем частям судным».

«Два Государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, незаконное и для Монарха Самодержавного. Народ в первоначальном завете с Венценосцами сказал им: „Блюдите нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частию для спасения целого“, — но не сказал: „Противоборствуйте нашим невинным склонностям и вкусам в домашней жизни“. В сем отношении Государь по справедливости может действовать только примером, а не указом», — внушал он Александру I в своей «Записке...».

Подобные мысли Карамзин высказывал и ранее, в своих журнальных статьях. «Народ унижается, когда для воспитания имеет нужду в чужом разуме». Более того, Карамзин призывал прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках... Хорошо и должно учиться: но горе <...> народу, который будет всегдашним учеником».

По мнению А. Ширинянца и Д. Ермашова, центральной, по крайней мере с начала XIX века, для русской философской традиции стала оппозиция «Россия—Запад», соотнесение путей исторического развития России и Запада, проблема характера этих путей — эволюционного или революционного. Первым из русских мыслителей, кто откликнулся на эти проблемы и выстроил на основе их анализа более или менее стройную идеологическую систему, был именно Карамзин.

* * *

Этот тезис — насколько правомерно использование заимствованных законов в политической, экономической, социальной, духовной сферах жизни государства в обход традиционных — актуален и сегодня. Спорят политики, спорят экономисты, спорят ученые.

Писатель и историк В. Бочаров в своем исследовании «Неписанный закон. Антропология права», рассматривая действие «неписанных», не отраженных в законодательствах современных государств Востока и Запада законов, обосновывает и особенности «русского юридического мышления»: низкая эффективность писаного закона, размытость границы между формальным и неформальным сектором. Причина та же, что заботила и Карамзина: заимствованные правовые системы Запада не соответствуют местным обычно-правовым культурам. К западному праву Россия обратилась лишь в конце XVII — начале XVIII века при Петре Великом, но при

этом регулятором поведения русских, да и россиян в целом всегда оставались законы неписанные, в том числе в экономике: царской, советской, постсоветской и российской. «Неписанный закон» в России всегда имел первостепенное значение. В. Бочаров доказывает, что социокультурные практики России, как, впрочем, и других незападных обществ, не укладываются в научно-теоретические схемы, сформировавшиеся при изучении западных обществ. Коренное отличие Запада от России, стран Востока заключается в том, что на Западе индивид приоритетен по отношению к коллективу, поэтому частное право выдвинуто на первый план; в остальном мире все наоборот: коллективные права доминируют над индивидуальными.

Поразительно, но не только в России, но и в «периферийных» государствах сплошь и рядом именно неформальные, поддержанные общественным мнением обычно-правовые нормы выступают в качестве регулятора реальной жизни, а главное — обеспечивают экономическое развитие данных государств. Так, следование привычным для нас нормам не мешало России достигать впечатляющих результатов в различных областях общественной жизни. И даже к такому явлению, как «теневая экономика», нужны новые теоретические подходы, способные раскрыть данный феномен, а не сбрасывать это явление в «криминал». Следуя своим традиционным моделям общежития, подчас только прикрываясь заимствованными формами «западной демократии», «периферийные» государства не погружаются в царство хаоса, наоборот, к хаосу ведет слом традиционного уклада. Культуры равны, отмечает писатель, но они разные, а поэтому законы, не соответствующие правовой культуре данного социума, не исполняются именно по этой причине, а вовсе не потому, что граждане не способны исполнять законы в принципе.

Выводы современного историка перекликаются с мыслями, что двумя столетиями раньше обосновывал другой историк: каждый народ в своем историческом бытии реализует присущий только ему тип культуры, в основе которой лежит создание национальной государственности.

* * *

В настоящее время почти рефреном к выступлениям политиков стали слова П. Столыпина: «Нам не нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Задолго, почти за столетие, то же самое высказал в своей «Записке...» о великой и сильной России Карамзин.

«Великие переломы опасны», — предупреждал историк, обнаруживая в истории множество примеров того, как разрушительные идеи могут победить идеи созидательные и как легко можно обжечься преждевременной свободой.

Революционным преобразованиям противопоставлялась историческая традиция, древние обычаи и институты. «Всякая новость в Государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости: ибо одно время дает надлежащую твердость уставам», — утверждал Карамзин в «Записке...». Там же провозглашался и другой классический принцип русского консерватизма: «Для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу».

Последовательный сторонник эволюционного развития, он враждебно относился к социальным потрясениям и всякому насилию, даже если оно исходило от монарха. И, отрицая необходимость революционных преобразований в обществе, полагал, что изменения должны совершаться постепенно, по мере развития просвещения и нравственного совершенствования человека, под контролем сильной власти.

Когда-то Карамзин писал: «Державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит Философия, так вещает История. Благоразумная система в жизни продолжает век человека; благоразумная система Государственная продолжает век Государств. Кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкогоконечного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит; вижу опасность, но еще не вижу гибели».

В контексте проблем своего времени он, не боясь навлечь на себя немилость, указывал самодержцу на просчеты и промахи верховной власти, предлагал другие, соотносимые с отечественной традицией решения и делал это с тем, чтобы век великого Государства Российского был долг и благополучен. «Падение страшно. Первая обязанность Государя блюсти внутреннюю целостность Государства; благотворить состояниям и лицам есть уже вторая».

Россия пошла по неизведанным путям истории.

Еще несколько десятилетий назад казалось, что консервативные идеи Карамзина, «густо замешанные» на принципах «мудрого Самодержавия и Святой Веры», не более чем предмет для научных — априори критических — изысканий историков и филологов.

В постсоветский период исторические труды Н. М. Карамзина, для которого проблемы сохранения и упрочения русского государства являлись важнейшими и именно с этих позиций размышлявшего о судьбах Отечества, о задачах государственности, о власти, об историческом сознании граждан оказались актуальными. В «Истории государства Российского» он стремился на материале отечественной истории ответить на вопросы, волнующие нас и сегодня: закономерности развития стран и народов, взаимоотношения общества и власти, роль личности в истории. В «Записке...» красной нитью проходит мысль о преемственности «древней» и «новой» отечественной истории, о необходимости в назревших преобразованиях считаться с национальными традициями, о силе этих традиций, среди которых основополагающей ценностью остается сильная государственность, понимаемая как централизованные и твердые формы государственного правления. Самодержавие кануло в Лету, формы правления изменились, проблема роли государства в жизни страны и народа осталась.

Сегодня активно идет переосмысление исторического, публицистического наследия великого русского мыслителя. К нему обращаются ученые, историки, политики: в связи с потребностью в выстраивании единого исторического пространства актуальна мысль о преемственности «древней» и «новой» отечественной истории. Значит ли это, что постепенно границы между катастрофическими историческими водоразделами, когда казалось, что «Россия погибла навеки» — между Россией царской и советской, между советской и постсоветской, — будут стерты?

Подводя итоги анализу уникального образца политического сочинения — «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении», Муравьев пишет: «Почти два века, прошедшие после написания „Записки...“, подтвердили справедливость замеченных и отмеченных Карамзиным особенностей российской политической и гражданской жизни. Правда, при этом они подтверждают и расхожую истину: опыт истории ничему не научил российских правителей. Наверное, потому, что они просто к нему не обращались, ограничиваясь лишь обвинениями и разоблачениями предыдущего царствования, виною этому их короткая память, куцые знания. <...> Карамзин в „Записке о древней и новой России...“ писал не о сегодняшней злобе дня, а о том, что было вчера, существует сегодня и, видимо, будет завтра».

И сегодня, на историческом перепутье, этот карамзинский документ, где впервые так четко сформулированы масштабные государственные задачи, может стать одной из опор в выборе пути и средств осуществления выстраданных преобразований. Быть может, в нем — ключ к пониманию того, что происходит с нами?

Литература:

- Н. Карамзин. История государства Российского. М., 2010.
- Н. Карамзин. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
- Карамзин. PRO et CONTRA. СПб., 2006.
- В. Муравьев. Карамзин. М., 2014.
- Ю. Лотман. Сотворение Карамзина. М., 1987.
- В. Бочаров. Неписанный закон. Антропология права. СПб., 2013.
- А. Замалеев. Философская мысль в России XI–XX веков. СПб., 2015.
- И. Курукин. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015.
- В. Мединский. Скелеты из шкафа русской истории. М., 2010.
- Наполеон: Отец Евросоюза. С предисловием Николая Старикова. СПб., 2015.
- О былом и днесь России; Какая история нам нужна? // Российская газета, 05.04.2006; 04.05.2006. Федеральные выпуски № 4035; № 4066.
- История политических учений // <http://www.bibliotekar.ru/istoria-politicheskikh-i-pravovyh-ucheniy-1/114.htm>
- Николай Михайлович Карамзин как историк и его методы исследования прошлого // Xreferat.com
- Д. Ермашов, А. Ширинянц. У истоков российского консерватизма: Н. М. Карамзин. М., 1999 // http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/03article/article.htm
- А. Ширинянц, Д. Ермашов. Концепция русской государственности Карамзина // <https://www.kazedu.kz/referat/92198>
- А. Ширинянц, Д. Ермашов. О «месте» и «роли» Карамзина в истории русской мысли. // <http://www.kazedu.kz/referat/92759>
- О. Жданова. Общественно-политические взгляды Карамзина. // <http://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskie-vzglyady-n-m-karamzina>
- Н. Кувшинова. Нравственные основания мировоззренческих идей Н. М. Карамзина // <http://cheloveknauka.com/nravstvennyye-osnovaniya-mirovozzrencheskih-idey-n-m-karamzina>
- А. Минаков. Н. М. Карамзин // http://www.portal-slovo.ru/history/35463.php?ELEMENT_ID=35463&SHOWALL_1=1
- С. Нуреева. Н. М. Карамзин — основоположник русского консерватизма. <http://www.center-bereg.ru/1639.html>
- Н. Горбикова. Карамзин. Снимем маску // <http://zlobnoe.info/karamzin-vrag-rossii/> <http://subscribe.ru/group/otkuda-myi-prishli/8701487/>
- О масонстве Карамзина и его клевете на Царя Иоанна Грозного // ruskmir.ru/2014/07/o-masonstve-karamzina-i...ioanna...